Свидетельство о заключении, декабрь 1974 год. Псалом 22:6. Батурин Николай Георгиевич

На последнем собрании, когда я был в Шахтах, незадолго до ареста была проповедь такая, из 22-го Псалма:

> 6 Так благость и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни.
>
> Псалом 22 — Псалтирь — Библия: https://bible.by/syn/19/22/

Но после этого, по долгу моего служения мне пришлось быть в Рязанской Церкви , а там я беседовал между утренним и вечерним собранием воскресным с одной сестрой, у которой муж не вернулся из заключения. На вечернем собрании тема проповеди у меня была совершенно другая "О страдающей Церкви" и о том, что я так же принадлежу к этой Церкви, хотя для меня это было не понятно, но к этому Господь меня уже подготавливал, что страдания недалеки. Очень интересными путями Господь ведёт. Часто мы не понимаем, что-то вот должно вскоре произойти, а Господь как-то вот подсознательно готовит нас, только позже уже узнаём, как и Петру Он говорил:

> 7 Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после.
>
> Евангелие от Иоанна 13 глава — Библия: https://bible.by/syn/43/13/#7

Когда начался у меня пост, ещё в Ростовской тюрьме, там меня перевели тоже в одиночную камеру, это было 25 декабря на праздник Рождества. С 8 декабря у меня был объявлен этот пост, я не принимал пищу, а 25-го меня перевели в одиночку в изолятор. На 4-м этаже, там больничка и в ней лечат подследственных. Одинокая камера была для женщин, которых наказывали за какие-то проступки и туда их сажали. И для меня эту камеру отвели и там я один находился. И так я радовался, и праздник день Рождества, и Господь дал мне возможность уйти из этой общей камеры, где теперь вот выяснилось и "наседка" была... А здесь я теперь один и могу сколько угодно молиться и никто не мешает. А я по своей натуре такой очень восприимчивый, если нужно мне наедине помолиться я как-то не могу сосредоточиться, когда кто-то рядом, но если свои друзья, верующие, это ещё не стесняет меня, а когда вот чужие люди, то стесняются мои молитвы, нет такой свободы. А там уже мне было так хорошо.

И вот у меня появилась мысль такая: "О чём же просить в основном Господа нужно, прежде всего?" И молитва была такая - о труде на ниве Божией и, чтобы Господь излил потоки благословений на все Церкви наши, на всё наше братство. Чтобы дело благовествования прошло обширно по всем пределам нашей страны. Во всех народах, как Господь говорил.

Когда-то я читал, было у нас краткое сообщение о служении брата Билли Грэйма и там говорилось, что прежде чем он приехал в Англию проповедовать, там Церковь молилась два года о благословении его проповеди и, когда он приехал, то было обильное благословение и многие сотни душ обратились к Господу. Ну человеку же свойственно это, назначать для себя предположительные такие сроки. А сколько же я буду молиться об этом? Может быть тоже два года. И вот на эти два года было больше всего надежды. Господь продлил этот срок и пришлось молиться на эту тему больше, чем два года. Около четырех лет. И мы всё еще ожидаем этой милости от Господа, чтобы Господь излил эти потоки, чтобы проповедано было Евангелие Его по всей вселенной, особенно в нашей стране, мы знаем так мало у нас ещё проповедуется. Во свидетельство всем народам и тогда Он придёт, чтобы взять нас к Себе.

Меня перевели на Рождество, а с 8-го по 25-е декабря я находился в общей зоне, это 18 дней. Значит, пайку я свою не брал, горячую пищу тоже не брал. Ну, поскольку я не один в камере, а ещё трое. Они кушают и всё время как-то сочувствуют и отговаривают: "Да всё это напрасно, да не нужно..." А они не знают какая у меня цель, у меня не только протест, а чтобы в посте, и в молитве пред Господом больше сосредоточиться. И так я проводил эти дни. Два, три дня я ничего не кушаю. А на второй день вечером или на третий, там сахар был, и вот я выпью кружку чаю. Вот эти дни, с восьмого по двадцать пятое декабря. А потом уже там один был Володя-армянин, даже когда я сам не хочу брать, он мне возьмёт наведёт кружку подаст и там печенье парочку. Ну, вот так я принимал периодически такую пищу.

В лагере заключенные ко мне относились в общем хорошо, терпимо. Злобы, ненависти такой не было. Но сам контингент там такой - очень-очень скверные люди, очень развращенные. Невозможно себе представить это.

Когда отправляли на этап, они не сказали мене куда отправляют. Я думал, что в своей области останусь, но смотрю везут дальше. Поезд Ростов-Волгоград. Привозят в Волгоградскую тюрьму, там дня 2-3 на пересылке и дальше повезли на север уже из Волгограда в Казань. Из Казани в Киров. Из Кирова, может в Коми СССР, тут перед Коми это станция Котлас. В Котласе, в вагоне подержали сутки, пока поезд, который на Воркуту идёт, подцепил нас. И привезли на станцию Весляна, там пересыльная зона. И вот с этой станции Весляны направляют в Княжпогост (Княжпогост — село в Княжпогостском районе республики Коми в составе городского поселения Емва) это назад сюда, на юг. Весляна севернее, туда ближе, вот, где Геннадия Константиновича был портрет о розыске. Сосногорск. Весляна туда ближе, к Сосногорску, Княжпогост сюда южнее немножко, ну там всего около двух часов езды до Княжпогоста.

В Княжпогост привезли, и в тот же день я узнал, что в этой зоне находится Давид Давидович Классен. И мы с ним вечером повстречались, рады были очень. Это уже в лагере, в Княжпогосте. Это центральный лагерь. Там три лагеря рядом. И в одной рабочей зоне, в одной бирже они все три лагеря работают. И меня привезли именно в тот лагерь, где был Давид Давидович. Ну, видимо, у них там какая-то неувязка получилась, что потом уже они

решили разъединить нас. **Тринадцать дней мы побыли с ним вместе. Он передал мне Евангелие, у него было Евангелие от Иоанна. Ну, это большое было ободрение для меня и для него. Ему уже три месяца оставалось до освобождения. Через 13 суток нас разлучили.** А потом я его предупредил, что я намерен еще раз возобновить голодовку в связи с ходатайствами. Он и не отговаривал меня от этого, понимал, что это как пост пред Господом, и одновременно ходатайство. Мы уже были разлучены, и Господь так сделал, что перед тем, как мне отказаться уже от пищи и от работы, меня выводят в эту же зону на работу, а там аварийная обстановка была, а я в плотницкой бригаде ремонтировать бревнотаску должен был, сдвигать её. Вода спала и надо было в воду глубже головку сдвинуть, удлинить. И встретились мы с ним вот в этот самый последний момент, когда меня изолировали полностью. В связи с тем, что я имел голодовку, меня поместили в штрафной изолятор. Сначала истолковали это как отказ от работы, что я отказался от работы. Меня изолировали, два месяца я находился в изоляторе, а потом меня отправили на этап уже в другую зону. Ну, когда в другую зону привезли через два месяца, я там ещё немножко продолжал, так уже не подряд постился, а периодически так ещё около месяца продолжался у меня пост. А там уже меня один месяц искусственно кормили, в Княжпогосте. А когда сюда приехали тут меня уже поместили в общую зону и я постепенно стал принимать пищу. Ходатайство уже все были направлены, то что нужно было изложить, я изложил. И нужно было теперь иметь свидание. Там мне не дали свидание с женой. Через месяц после прибытия сюда в Верхний Чов (Верхний Чов — местечко в Сыктывкаре, бывший посёлок, расположено на северо-западной окраине в стороне от центра города) мне дали свидание. Приехала жена, сын, который в армии сейчас и ещё Алёша, младший сын. Я с ними повидался, передал всё, что нужно для ходатайства. И ещё ходатайства у меня продолжались вплоть до 1974 года, даже в начале 1975 года некоторые заявления я ещё писал, но на все заявления один и тот же стандартный был ответ: "Оснований для пересмотра или опротестования результатов приговора - НЕТ! Осуждён правильно...". В таком вот духе.

И в 1974 году, в августе месяце приезжает ко мне опять этот кэгэбист из Ростова. Приезжает вдвоём с местным кэгэбистом из Сыктывкара, тоже из управления КГБ. Приезжает с предложением, чтобы я поехал на съезд ВСЕХБ. Я ему ответил так, что если верующие, Церковь, мои единоверцы поручат мне, то я поеду на съезд. Но я говорю, что к вам это не имеет никакого отношения и с вами на ту тему я не желаю разговаривать. Потом он напомнил об этом суде, о деле, как бы в обвинение пошёл. Вот, вы совершили то-то и то-то, и то-то, вот вас судили, пора уже одуматься. А я ему говорю:

- Я запрещаю вам говорить на эту тему. Вы прекрасно понимаете, что вами создано все это дело, что я ни в чём не виновен. И у вас нет стыда и вы ещё набираетесь наглости такой, напоминать мне о вашей этой работе всей. Вами же всё это обвинение состряпано...

Очень резкий разговор получился. И он видит, что не получается со съездом, видимо то, что он хотел мне рассказать о предстоящем съезде и как готовиться, он не смог высказать в двух словах, но как будто он желал обрадовать меня этим извещением, чтобы мне поехать на съезд. Предложил, чтобы я поехал и дал намёк, что если я соглашусь поехать на съезд, то будет возможность освободиться. Здесь в лагере я был два года всего. Но, когда он почувствовал, что я не согласен под их руководством ехать на съезд, то сказал:

- Подумайте! Завтра мы ещё с вами увидимся.

Я говорю, что я не желаю больше с вами встречаться и разговаривать и что уже сказал и ответил, и никаких разговоров больше быть не может.

- Нет! Вы подумайте, мы ещё раз вас завтра вызовем.

Вызывают на другой день и попытку такую сделали, обвинить меня в хулиганстве за эту беседу, что накануне была, что я там резко высказывался против этого обвинения.

А я говорю, что я же попросил извинение за грубости, которые допущены были в разговоре, и вы простили меня, когда мы попрощались. А я ему даже руки не подал. Когда он встретился со мной и протянул руку, чтобы поздороваться, а я ему даже руки не подал. Вот с этого и началось. А резкость у меня такая была, что я говорю:

- Прекратите! Или я сейчас встану, уйду!

Он говорит:

- А мы двери закроем.

- Я тогда в окно выскачу...

А там, ну что там, второй этаж и решеток нет. Вот в такой форме.

И тут он замял разговор этот, и не стал уже обвинять. И говорит:

- Если вы надумаете, напишите письмо вашим верующим, чтобы они не допускали нарушений законодательства, чтобы зарегистрировались, чтобы не допускали зарубеж сообщений каких-то, клеветнического характера.

Ну и всё это к той же самой теме о съезде, что от этого письма будет зависеть поеду ли я на съезд.

Я говорю:

- Я не собираюсь писать.

- Но если напишете, вы передайте его уполномоченному, а он нам передаст...

И уехали. А оказалось, что одновременно Ростовская регистрированная община проголосовала за то, чтобы меня послать делегатом на съезд от Ростовской области. И сдали протокол членского собрания уполномоченному. Именно регистрированная община. И видимо, когда вот этот разговор у них со мной произошёл они и приехали сюда. Уполномоченный вызывает пресвитера и говорит:

- На вашем членском собрании, когда Батурина избирали, присутствовали из отделенных кто-нибудь?

Он говорит:

- Нет! Никого не было.

- Ну, тогда, значит, ваше избрание недействительно. Нужно, чтобы были представители от отделенной общины.

Так получилось у них недействительное избрание. И прошло ещё полтора месяца до моего очередного свидания. Приехала жена. Повидались мы, и в воскресенье, как раз закончилось свидание вечером. Меня выводят со свидания и уже мне объявляют, что я списан с той работы, где я находился по специальности, строгальщиком работал в ремонтных мастерских - списан в лес. На лесоповал. Они подождали до окончания свидания, чтобы не было никаких, чтобы жена уехала, ничего не зная об этом то, что они подготовили, чтобы никто ничего не знал и сразу на лесоповал.

Я спросила у начальника:

- По каким соображениям, есть ли производственная необходимость в этом, что у вас людей не хватает?

- Нет! Производственной необходимости в этом нет, только по оперативным соображениям.

Мне уже стало понятно, что это за соображения. Я сообщил домой об этом. Церковь стала писать протест и заявление об этом. Они тогда всполошились, прокурор вызвал меня и дал прочитать заявление от Шахтинской Церкви, о том, что меня на лесоповал перевели.

По этому заявляю прокурор, который вызвал меня, говорил, что там пишут что здесь с вами бесчеловечно поступают, что такие невыносимые условия и так далее. Ну я посмотрел на заявления, конечно там краски немножко сгущённые были. Ну в общем то, оно правильно написано. Я говорю:

- Я же не писал этого заявления. Беседуйте с теми, кто это написал, отвечайте им.

- А вот, что у вас? На что вы жалуетесь?

- В основном, на вот этот беззаконный поступок, что меня списали в лес. Без всякой причины.

Да, он требовал, чтобы я написал объяснительную записку по поводу этого заявления. Я говорю, что я писать не буду, а то, что написано, нужно, говорю, встретиться с теми людьми, которые написали и уточнить. А в общем там всё правильно. И вот тут был начальник колонии уже в присутствии прокурора. Так-то мы один на один с прокурором, потом в коридор вышли. И он заявляет в присутствии прокурора, видимо надо было ему тоже какое-то оправдание:

- Вы списаны по производственной необходимости и по оперативным соображениям. Я говорю:

- Вы же мне лично говорили, что только по оперативным соображениям? Никаких...

А оперативные соображения это у кого побеги были, там убийства или еще какие-то чрезвычайные такие происшествия. И вот чтобы изолировать таких людей, которые склонны к этим, внутрилагерным преступлением, оперативная часть занимается этими делами и таких людей как-то перемещает с места на место, где они представляют опасность, оттуда их берут и переводят в другое место. Вот эта оперативная работа их. Ну, и он мне заявил ещё тогда, когда я первый раз его спрашивал, он говорит:

- У меня в этом году 9 чрезвычайных происшествий, и я не хочу, чтобы ещё одно повторилось. Как будто бы от меня ожидалось какое-то там чрезвычайное происшествие в этой зоне, где я работал. И вот они перевели меня в лес. А фактически эта лесная бригада уже пользуется более слабым режимом. Больше свободы, вплоть до того, что неверующие там, ну как Господь говорит, сыны века сего догадливее Сынов света. Были случаи, что там имели даже свидания с своими родственниками и женами. В лесу там. Договариваются с солдатом, он отойдёт немножко в сторону и целый день они беседует, отдыхают, кушают. А потом к вечеру зайдёт сюда в "запретку". Солдату заплатят. Фактически были более свободные условия, только физически там труднее. Месяц я проработал сучкорубом и меня перевели там же, уже местное начальство в лесу, помощником повара на кухню, а оперуполномоченный всё время добивался, чтобы меня с легкой работы сняли и только на тяжелые ставили. И начальник отряда даже мне заявил так:

- До самого звонка ты будешь отбывать свой срок и будешь здесь работать сучкорубом!

В смысле молитвы, там было свободнее в лесу. На машинах нас туда возили, а потом обратно. Часов 12 и больше приходилось быть там. До 15 августа 1975 года я проработал, почувствовал сильное переутомление. Горло, левая рука, грудь стало колоть. Уже невозможно было руку поднять. И дыхание уже труднее было, в области сердца боли были, трудное дыхание было. Я пошёл в санчасть. Оказалось, что с сердцем плохо, сразу меня освободили от работы полмесяца лечили, уколы сердечные ставили, таблетки давали и списали на легкую работу. До звонка я не остался там работать сучкорубом.

На совсем легкую работу я не попала. Когда списали, то попал к грузчикам. И там считается, как самая легкая работа у этой бригады. В зоне. В рабочей зоне. Плечики бригада делают (плечики для одежды). Там столярные станки. На станках весь этот процесс. В любой бригаде свежему человеку не дадут полегче работу. Они стараются столкнуть его туда, где никто не хочет работать. И вот грузчиком меня поставили. Заготовки плечиков, такие огромные ящики, килограмм по 150, иногда по 180, и вот это вдвоём надо поднимать и нести. Вот такая "лёгкая" работа. Нести в сушилку, загружать на вагонетку, а те которые из сушилки, те уже легче, эти заготовки на плечики.

И там я грузчиком с полгода проработал, а потом уже только устроился на лёгкую работу. Через знакомых.

Ну, а встреча была хорошая. Прямо тут, у лагеря встретили меня. Две сестры, два брата и пятая - жена моя, Валя. Около зоны встретили. Там немножко было недоразумение с документами, не всё было готово. Меня долго там обыскивали. Пол девятого вечера вышел. И автобус рейсовый уже ушёл и нам предложили ехать лагерным автобусом. Там лагерное начальство куда-то ехали по своим делам и нас захватили, и чтобы побыстрее. Должен был меня сопровождать капитан из спецчасти до поезда. Билет на поезд был куплен за государственные счёт, не за мой счёт. И поскольку жена приехала, она купила билеты на самолёт, и уже как бы доверяя ей, отдали мне документы, и уже не стали меня сопровождать. Это как положено обычно всех так сопровождают. Не стали меня сопровождать и уже провожали меня оттуда друзья. И всю ночь мы летели до Ростова. В Ростове тоже ожидая, что кто-то будет нас встречать с друзьями, видим, что никто не пришёл. И когда мы зашли с Валей, друзья наши с вещами были, с покупками. Они остались там на остановке, а мы забежали к старцу, к этому Ростовскому, к Дмитрию Степановичу Рогожину. И

уже от него узнали, почему нас не встретили. Он-то и не знал, что кто-то собирается нас встречать. И мы понял из его разговора, что ростовчанам было не до встречи, что тут уже произошли обыски. В семье Захаровых, сестру Иду взяли, арестовали. Много литературы забрали... Сразу стало понятно почему нас даже и враги не встретили, и друзья не встретили. Все были заняты.

Это как раз пятница была, в пятницу пришли мы на вечерние собрания, тут уже вся Церковь ожидала. Такое хорошее собрание было в пятницу. Слава Господу!

В воскресение побыли в собрании утром и вечером. Тоже вечером молодежь, вот так же как и сегодня, принесли мне альбом и цветы. Очень тёплая встреча была.

Батурин Николай Георгиевич (1927-1988)

Комментарии
